

Варвара Павловна сохранила его первый вариант, затем несколько отредактированный. Приведем заключительную часть письма.

«В настоящее время состояние моего здоровья таково, что жить мне, по-видимому, осталось очень мало. На почве всех незаслуженных ударов, перенесенных мною за последний год, — арест, обвинение, ужасное по своей невероятности ⁷, ссылка в непривычный для меня климат ⁸, жизнь в непривычных бытовых условиях ⁹, исключение из обеих академий — сломали мое и без того слабое здоровье. За последние два месяца у меня развилась тяжелая грудная жаба, припадками которой ¹⁰ сделали меня совершенным инвалидом. Все это вынудило меня вторично обратиться в Верховную прокуратуру и просить ускорить приведение в исполнение хотя бы резолюции 19 ноября 34 г. и дать мне возможность дожить последние месяцы жизни в семье ¹¹.

Я вряд ли смогу дожидаться полного пересмотра дела, который снял бы темное пятно с моего честного имени, поэтому я и просил пока верховного прокурора хотя бы вернуть меня домой. Но к Вам я обращаюсь с другой просьбой. Обратите Ваше внимание на это вопиющее по своей несправедливости дело, в результате которого я — как научный работник, бывший всего год назад способным не только продолжать свою личную научную работу, но и готовить кадры ¹², — сделался полным инвалидом. Если моя невинность будет обнаружена хотя бы тогда, когда меня не будет в живых, то все же это даст по крайней мере право опубликовать мои законченные научные работы, право, в котором мне сейчас отказывает то учреждение, в котором я проработал двадцать лет» [8, л. 260].

Из последней фразы видно, что Владимир Николаевич сам или через Варвару Павловну обращался в Академию наук с просьбой помочь хотя бы в издании неопубликованных трудов (так несколько позже, в 1937—1938 гг., делал и М. Н. Сперанский), но получил отказ.

Ответа на письмо не было. Но после него бюрократическая машина начала медленно двигаться вновь. К тому времени массовые репрессии после «кировской» волны ненадолго уменьшились. В ответ на письмо из Особого сектора ЦК ВКП(б) от «тов. Селицкого» № 1079/250 от 05 июля 1935 врио Прокурора СССР Г. Рогинский вновь пишет тому же Буланову (копия Селицкому) 09 сентября 1935 г.: «23-го ноября 1934 г. Прокуратурой Союза ССР было поставлено на пересмотр дело академика Перетца. Прошу включить это дело в повестку дня ближайшего заседания Особого Совещания» [8, л. 248].

Но было поздно. Письмо за подписью Г. Рогинского обросло дополнительными штампами и резолюциями, последняя из которых датирована 22 октября 1935 г. А еще 4 октября начальник СПО УГБ НКВД Саратовского края Грицелевич и начальник 1-го отделения того же СПО Скорбин известили московское начальство:

«Сообщаем, что ссыльный Белорусский нацдемократ Перетц В. Н. 23 ¹³ сентября умер.

Брат покойного Лев Ник[олаевич] Перетц телеграммой вызвал на похороны жену покойного Перетца В. П. из Ленинграда, где она работает в одном из институтов Академии наук, жена в Саратов прибыла 27 сентября со своей приятельницей ¹⁴ и в тот же день состоялись похороны. Провожающих было мало: брат покойного, хозяйка квартиры, домашняя работница, Ластовский В. У. (нацдем) с женою, Касперовский (этнограф, каким-то образом оказавшийся в Саратове), наш агент «Уфимский» и на самом кладбище присоединился проф. Скафтымов с женою. Ожидавшиеся к выносу несколько студентов Пединститута на проводы тела не пришли. По настоянию брата покойного утром состоялось отпевание тела покойного. На могиле религиозная церемония ограничилась тем,

⁷ В публикации [10] добавлено «и неожиданности».

⁸ В [10] нет последних пяти слов.

⁹ В [10] после этого «без элементарных удобств, отрыв от работы».

¹⁰ В [10] добавлено «мучительные и длительные».

¹¹ В [10] после этого «на попечении жены, в привычной обстановке».

¹² В [10] «которыми сейчас так обеднела наша специальность».

¹³ В Большой советской энциклопедии [7] дата — 24 сентября.

¹⁴ Упомянутая выше Н. П. Колпакова.